

НОВАЯ ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ: ТРАДИЦИЯ «СТАРОГО» ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И СОВРЕМЕННОСТЬ

О. С. Сухарев

В статье рассматриваются основы программы экономических исследований, заложенные в рамках старой школы американского институционализма. Автор исследует состояние институциональной исследовательской парадигмы в настоящее время, определяет методологические проблемы развития экономической теории и перспективы институциональной парадигмы, демонстрируя условность в расхождении экономических школ и полезность диверсификации экономического анализа.

1. Старая американская школа: Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл

Институциональное направление экономического анализа как течение экономической мысли можно считать относительно молодым. Оно зародилось первоначально в трудах Т. Веблена «Почему экономика не эволюционная наука» (1898 г.), «Теория праздного класса» (1899 г.), «Теория делового предприятия» (1904 г.), «Место науки в современной цивилизации» (1919 г.) [3-4, 24-25]. Далее появились труды Дж. Коммонса «Правовые основания капитализма» (1926 г.) и «Институциональная экономика. Ее место в политической экономике» (1934 г.) [5, 21]. Дж. Коммонс — единственный из основоположников, кто написал произведение, в название которого вошло понятие «институциональная экономика», сразу определяя характер и рамки анализа. У. Митчелл [9], основатель Национального бюро экономических исследований, будучи учеником Т. Веблена, отличался от своего учителя тем, что не следовал междисциплинарному подходу и критике классической ортодоксии. Каждый из этих трех исследователей внес свой неповторимый вклад в развитие институциональных идей. При этом их подходы кардинально отличались друг от друга не только в части трактовки предмета исследования, но и в применении оригинальной методологии для решения поставленных научных проблем.

Как известно, Т. Веблен, использовал социологический анализ при изучении поведения различных социальных групп, эволюции общественных институтов, рассматривал экономические явления через установление традиций. Он одним из первых сравнивал общественное развитие с биологическим и говорил об эволюции экономических структур как о естественном отборе, в котором будут закреплены, по аналогии с биологическим отбором, наиболее приспособленные структуры. Основное внимание уделялось описательному анализу

таких компонент поведения экономических агентов (как, например, привычка), которые формируются исходя из традиций, обычаев, нравов. Агенты обнаруживают денежную состоятельность, демонстрационное поведение, показную праздность. Они движимы инстинктами, умозрительными конструкциями, которые формируются под их влиянием: инстинкт мастерства, инстинкт праздного любопытства, родительский инстинкт и др. Природу закона денежного расточительства, присущего капитализму, он видит в том, что фундаментом современной цивилизации являются деньги, а выходом из тупика расточительного потребления — рациональное потребление, удовлетворяющее истинные потребности индивидов [3-4, 11-12]. Обобщая вклад Т. Веблена в экономическую науку и становление институционального анализа, можно выделить следующие заслуги.

Первая заслуга Т. Веблена состоит в открытии социально-психологического подхода к анализу экономических явлений и создании психологической теории социально-экономического развития. В частности, он считал, что стремление к труду заложено в человеке на уровне инстинкта, выражающегося в родительской опеке молодой поросли, а стремление к знаниям — это тоже инстинкт — инстинкт любознательности,двигающий научно-технический прогресс. По сути, им обозначены факторы, определяющие характер экономических изменений и развития человеческой цивилизации, составляющие основу своеобразного генетического кода такого развития.

Вторая главная заслуга Т. Веблена в том, что им заложены основы практически всех сегодня существующих индустриально-технократических теорий. Считая основой жизни общества материальное производство и выделяя особое значение технологии как двигателя этого производства, Веблен полагал, что поведенческие формы в своем развитии отстают от технологического уровня и приспособляются к из-

менениям в технологии. Провозглашая примат научно-технологического развития над всеми остальными развивающимися компонентами целостной общественной системы, признавая ведущую роль интеллигенции в этом, он, стремясь объяснить парадоксы, трудности развития, пытается увидеть их в возникающих противоречиях и конфликтах между определенными группами агентов. Под этими группами понимаются бизнесмены — «капитаны промышленности» и инженеры — представители технократической элиты. Как развивается конфликт между ними? Первые заботятся о деньгах, ими движет мотив приобретательства, обогащения. Инженеры заботятся о совершенствовании машинного производства, они реально создают движение научно-технического прогресса через совершаемые изобретения, различного рода усовершенствования. Конфликт целей и моделей поведения Веблен выражает в следующей терминологии: конфликт между «деловым предприятием» и «машинным производством», «деланием денег» и «изготовлением благ», «способностью продаваться» и «способностью оказать услугу». [11, 24]

Третьей заслугой можно считать его настоятельное требование подходить к экономической теории как эволюционной науке, ибо суть экономических изменений состоит в их эволюции и вытекающих отсюда закономерностях [25]. Под этим подразумевается возможность исследования становления и развития экономических институтов и, соответственно, всей экономической системы, не сводящейся к проблеме частичного или полного равновесия, а обнаруживающей в своем развитии кумулятивный эффект.

Таким образом, проблема изучения сводится не к рассмотрению результатов поведения, а к выяснению причин, почему сложилась та или иная форма, модель поведения и что от нее можно ожидать, а также как и в силу чего будет происходить изменение данных моделей поведения.

Идеи Т. Веблена в определенной степени повлияли на Дж. Коммонса. Однако институционализм Дж. Коммонса был направлен на изменение гедонистической концепции потребления благ, при котором обращается внимание на транзакционный характер обменов и передачу правомочий [21].

Во-первых, следует отметить анализ правовых основ эволюции экономической системы, создание теории транзакций. Он рассматривал действующие правила, управляющие транзакциями, считал, что природа институ-

тов правовая, юридическая. Таким образом, если Т. Веблен не прибегал к положениям исторической школы, которую считают предтечей институционализма, то Дж. Коммонс, напротив, следовал традициям исторической школы, применяя юридические концепции к экономике, а точнее, исследовал развитие таких институтов, как семья, государство, корпорации, писал о профсоюзах, заложив устойчивую традицию приводить историю профсоюзного движения в Америке при анализе групп, особо отмечал роль судебной системы и права [4].

Из современных крупных исследователей истории экономической мысли М. Блауг критикует Т. Веблена за то, что тот не сделал никаких выводов из описанных им противоречий между бизнесменами и инженерами, а также за то, что считал теорию тем лучше, чем «проницательнее описание» [1, с. 657-659]. Описательный характер институционализма считается крупным недостатком этой теории. У Веблена следование этому порядку принимает чрезвычайный размах, затрагивая методологию, и в этом плане М. Блауг вполне оправданно не соглашается с ним. Однако, соглашаясь в этом с М. Блаугом, мы не можем согласиться с отдельными моментами и противоречиями, которые он допускает. Так, он утверждал: «Лучше плохая теория, чем никакой. По большей части критики ортодоксии не предлагают никакой альтернативы. Исключением из этого правила, помимо марксизма, является американский институционализм. Ни один труд по методологии экономической теории не может обойтись без упоминания этой последней и самой значительной попытки убедить экономистов, что их теории должны основываться на аналогиях, взятых не из механики, а из биологии и юриспруденции». Через страницу он заключает: «Таким образом, несмотря на некоторые общие черты, школа “институциональной теории” представляла собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки» [1, с. 658-659].

В первой фразе содержится четкое указание на альтернативность институциональной теории неоклассической доктрине, правда, здесь же делается намек на то, что последняя попытка убедить экономистов еще ничем не завершилась, и такой априорный скепсис, как будто, подготавливает последнее заключение, которое называет институциональную теорию «легкой склонностью к отступлению от ортодоксии», даже не «легким отступлением», а «легкой склонностью». Блауг говорит о допол-

нении традиционного экономического анализа институционализмом, хотя, по его мнению, Веблен, Коммонс и Митчелл желали замены, а не дополнения. Не понятно, как что-то дополняющее, а значит, в принципе согласное с базовыми постулатами, может быть одновременно альтернативным?

Широко известно, что фундаментальные допущения ортодоксальной экономической теории, за исключением принципа редкости, подвергаются институционалистами, применяя эвфемизм, сомнению. Поэтому речь необходимо вести об анализе, моделях, построенных на иных принципах и допущениях. Неоклассика поставила ряд проблем, многие из которых нельзя признать решенными до сих пор. Прежде всего, это вопросы налогообложения, социального распределения и справедливости, хозяйственной этики и нравственности, конкуренции и кооперации, необходимого темпа роста и развития и т. д.

Во-вторых, Дж. Коммонс известен как автор работ по трудовому законодательству. Настоящая тема исследований становится символической для представителей институциональной теории. Действительно, Т. Веблен касался вопросов социальных отношений при найме, анализируя процессы поддержания жизненного стандарта праздного класса и подставную праздность, проблемы высшего образования в Америке, функционирование делового предприятия. А. Берли и Г. Минз [19] исследовали механизмы разделения собственности и управления, рассмотрели особенности работы современной корпорации, описали проблему «принципала — агента». Дж. К. Гэлбрейт, формулируя концепцию техноструктуры [22], придавал особое значение инженерно-техническим работникам и военно-промышленному комплексу в развитии современной экономики. Гуннар Мюрдаль исследовал проблему безработицы в слаборазвитых странах, связывая состояние рынков труда с уровнем развития образования и здравоохранения в конкретной стране [10]

Институциональная традиция изучения особенностей функционирования рынков труда и трудовых отношений находит отражение и в теории трансакционных издержек, развиваемой О. Уильямсоном [13], и в теории агентских отношений и контрактов А. Алчяна и Г. Демсеца [18]. Однако эти теоретические системы сосредотачивают главное внимание на самом акте взаимодействия и дают соответствующие интерпретации и выводы относительно издержек, связанных с осуществлением данного действия, а также правовых основа-

ний его совершения. Кстати, различия этих подходов сводятся к разнице в типологиях сделок, контрактов, активов, издержек, прав агентов, допущений о качестве их поведения — насколько оно рационально или иррационально и каким образом это находит выражение в их действиях. Подобные отличия в экономической теории возникают всегда, поскольку существует определенная вариация отправных точек зрения в самом начале исследования или построения определенной концепции. Эти вариации образуют диверсификацию экономического анализа и фактически обеспечивают его выживание. Совершенствование принципов и методологии позволяет экономической науке развиваться. Идеи, заимствуются из трудов экономистов прошлого, с течением времени по-иному интерпретируются, облачаются в новые формулировки, формализуются, подтверждаются современной статистикой и занимают прочное положение в интеллектуальной экономической среде или отвергаются, и их место освобождается для новых идей.

Любая экономическая теория, претендующая на звание «адекватной», в том числе и эволюционная теория экономических изменений, не может пренебречь вопросом о функционировании рынков труда — неважно, будут ли они рассматриваться с точки зрения микроэкономических оснований или над ними проделают необходимые операции агрегирования. Стандартный подход, когда экономист выделяет объект исследования и изучает его изменение, осуществляя построение определенных моделей, сразу обесценивает предпринятые усилия, поскольку вместе с выделенным объектом эволюционируют и системы связей его с другими объектами или экономическими подсистемами, а полученные модели часто пренебрегают этой особенностью или не в состоянии обеспечить необходимую полноту этих связей. Так что происходит выделение этого объекта из общего контекста эволюции экономической подсистемы. Если мы «разрываем» эволюцию, то затем придется решать комплекс задач, связанных с совмещением результатов, полученных в рамках эволюционных моделей для микро- и макроуровня.

В-третьих, Дж. Коммонсу принадлежит развитие идеи об естественном отборе институтов, а также понятия социальной селекции при рассмотрении вопросов эволюции институтов. Что касается теории трансакций, то она была стержнем его аналитической системы. Под сделкой, обменом он понимал, прежде всего, механизм передачи функций контроля, обо-

снованных правом, то есть «правового контроля» (правомочий) от одного индивида другому. Если Т. Веблен думал, что техническая интеллигенция, взяв власть, сможет действовать в интересах всего общества, разрешить его основные проблемы, то Дж. Коммонс полагал, что только через правовое сотрудничество разных общественных слоев можно ликвидировать множественные конфликты, разъедающие общественную структуру. Кроме того, для Коммонса характерен более оптимистический взгляд на развитие институтов капиталистического общества.

История хозяйств дает примеры быстрых подъемов и спадов. Современный институционализм ставит на повестку дня ряд вопросов: какие институциональные структуры способствуют росту и спаду, каким образом они связаны с национально-культурными особенностями и как определить в конкретный период времени эффективные институты. Социальная система одновременно располагает институтами, препятствующими ее развитию и способствующими ему. Общий результат состоит в том, насколько при взаимодействии данных групп институтов одна из них вытесняет или подчиняет другую.

Ярким представителем старого институционализма часто называют У. Митчелла. Его деятельность вызвала разные отклики экономистов. Например, Т. Купманс [23, с. 161-172] в своей статье, посвященной критике созданной У. Митчеллом системы циклических индикаторов Национального бюро экономических исследований США, писал, что теоретическое направление, развиваемое Митчеллом, заслуживает определения «измерение без теории», в связи с тем, что основное внимание уделялось работе со статистическими материалами и количественными методами их обработки и анализа, без должных теоретических обобщений.

Поэтому институционализм митчелловского типа определяют как конъюнктурно-статистический институционализм. Фундаментальной работой стала книга У. Митчелла «Экономические циклы: проблема и ее постановка» [9]. Вопросы денежного обращения, циклических колебаний и экономической конъюнктуры стали объектами исследования. В частности, Митчелл считал, что искусство тратить и делать деньги — это два разных искусства. Когда деньги тратятся через семейный бюджет — это самая неэффективная форма использования денег, так как она основана на желании обойти соседа, стремлении к праздности.

Главную роль в экономической динамике играет коллективное взаимодействие, поведение групп через механизмы социальных контактов между ними. Методологический прием У. Митчелла сводился к тому, что нужно собрать как можно больше данных о функционировании экономики, оценить их репрезентативность. Подобный подход не позволял делать содержательные обобщения, которые играют важную роль в понимании сути явлений.

Однако критичное отношение к работам У. Митчелла не смогло элиминировать значение его трудов для создания нового направления экономической науки — эконометрики, занимающейся изучением экономической природы при помощи математических методов. Я. Тинберген, Р. Стоун, Р. Фриш, С. Кузнец и многие другие исследователи, широко применяющие в своих изысканиях эконометрические методы, продолжили работу в этом направлении.

Митчеллу также удалось получить динамические ряды по разным национальным экономикам и, применив математические методы выравнивания рядов, подойти к возможности выведения обобщенных характеристик экономической конъюнктуры, отражающих реальное состояние хозяйственной системы и ее перспективы. Еще одним научным достижением является разработка методики выделения цикла колебаний деловой активности и определение факторов, определяющих циклическую динамику, к которым он, в первую очередь, относил колебания цен и курсовой стоимости акций. Природу циклов Митчелл усматривал в колебательном развитии сферы обращения [9, 11].

Современные экономисты часто пренебрегают одной удивительно актуальной идеей, рожденной этим прозорливым экономистом, потому что она кажется тривиальной, лежащей на поверхности и не заслуживающей внимания. Содержание этой идеи сводится к неповторимости каждого кризиса и каждого цикла экономической конъюнктуры, которые не могут быть объяснены одной причиной. Монокаузальность представляет собой крайнее упрощение действительности, приводящее к неверным аналитическим построениям. Такие построения становятся лидерами неверных рекомендаций и неадекватных политических мероприятий. Экономические циклы разных стран и возникающие кризисы отличаются во многих отношениях: каждое следствие превращается в причину, а причина оборачивается следствием, что и было показано на

обширном материале различных экономических систем [9]. Таким образом, он был одним из первых, кто на систематической эмпирической основе обратил внимание на уникальные черты каждого национального хозяйства, складывающиеся в результате сложного исторического процесса развития институтов экономики, определяющих специфику взлетов и падений разных стран.

2. Институционализм и неоклассика

Распространено мнение, что вебленова исследовательская программа не привела к каким-либо крупным научным результатам и до сих пор остается нереализованной [15-16]. Быть может, эта программа настолько амбициозна, что ее в обозримом будущем и не удастся реализовать. Однако сегодня, по прошествии более чем 100 лет проводятся многочисленные исследования в области институциональной теории и методологии, в которых не обходится без ссылок на представителей старой институциональной школы. Для экономистов стало престижным относить себя к институциональному и эволюционному направлению экономического анализа. Исследовательская программа Т. Веблена появилась и окрепла в самый разгар маржиналистской революции, в период, когда набирали силу марксистские идеи, когда знаменитый спор о методе завершился победой австрийской школы во главе с К. Менгером [8], когда труд А. Маршалла «Принципы экономической науки» вышедший в 1890 г. [7], стал логически обоснованной кульминацией окончательного оформления неоклассического направления анализа.

Маршаллу удалось обойти проблему, которую так и не смогли разрешить представители австрийской и немецкой исторической школы – «спор о методе». Как известно, историческая школа, по сути, предлагала редуцировать экономическую жизнь к ее существенным фактам. Многими экономистами это воспринималось как отказ от выработки универсального экономического знания, подрыв базисных положений экономической науки и превращение последней в описательное нестрогое знание, воспроизводимое в ходе наблюдений в конкретных обстоятельствах исторического процесса. Случившийся кризис в экономике, по аналогии со знаменитым кризисом в физике, произошел в силу потери методологических ориентиров, а не потому что экономическая наука испытывала острые трудности с измерением и интерпретацией жизненных событий, в которых участвует сам исследователь. Нужно отметить, что

измерительный аппарат в то время отличался несовершенством, если судить о нем с позиций современного состояния экономической науки.

В содержательном плане спор сводился к определению общих принципов, на которых необходимо строить изучение социальных явлений. Можно ли научные абстракции отождествлять с реальностью экономической жизни, к чему призывали сторонники австрийской школы, и что с легкой руки Й. Шумпетера получило наименование «рикардианского порока»? Однако все попытки создать «чистую» теорию и одновременно справиться со сложностью окружающего мира, приблизив эту теорию к действительности, заканчивались либо созданием умозрительных концепций, которые воспроизводили сами себя и существовали отдельно от повседневной практики жизнью, либо осуществлением теоретических описаний конкретных явлений, что делало получаемое знание исторически локализованным и фрагментарным. Итогом спора о методе явилось вполне закономерное признание применимости как дедукции, так и индукции, с отрицанием всяческих стремлений возвысить один метод над другим в области социальных наук.

По существу, спор о методе касался вопроса о том, какая теория более научна. А. Маршалл сразу отверг такую постановку вопроса, указав, что экономическая теория является инструментом, который следует применять только в тех случаях, когда такое применение является обусловленным и приносит ожидаемый эффект, связанный с разъяснением происходящих в экономике процессов и соответствующим продвижением в области подготовки правительственных мероприятий, призванных направить эти процессы в наиболее благоприятное для общества русло. Поскольку события экономической жизни не могут быть в точности одинаковыми, постольку нет никаких оснований для построения обобщенного универсального экономического знания. Экономическая наука, исходя из данных утверждений, должна представлять собой некую систему, компоненты которой есть твердо установленное экономическое знание, и, таким образом, сама система складывается из совокупности частных теорий. Такая позиция нашла отражение и в теории частичного рыночного равновесия Маршалла, определившей дальнейшее развитие микрооснований как основы неоклассического подхода [7].

Если посмотреть на идею А. Маршалла с другой стороны, то она усиливает концепцию

фрагментированного знания. Частные теории не входят в активное противоречие с историческим подходом, поскольку также используют доктрину здравого смысла и сосредотачиваются на конкретных явлениях или процессах, но и не пренебрегают абстрактно-дедуктивным методом для получения важных закономерностей и придания им всеобщего характера в рамках установленных ограничений. Следовательно, маршаллианская традиция, обеспечив сильнейший импульс в развитии экономического анализа на несколько десятилетий, сделала выведение частных теорий своеобразным атрибутом экономической науки, тем самым способствуя дальнейшей фрагментации экономической теории.

Появление уравнений общего равновесия Л. Вальраса, создание стокгольмской школой и Дж. М. Кейнсом макроэкономики, нанесли серьезный удар по вошедшей в моду разработке частных теорий. Экономисты так увлеклись в создании последних, что почти потеряли из виду цели и назначение собственной деятельности, ту пользу, которую должна нести обществу наука, в данном случае — экономическая. Она должна служить инструментом в решении возникающих практических проблем, быть средством выработки экономической политики на разных ступенях многоуровневой экономики, то есть, иными словами, обеспечивать «правильность» человеческих действий. Как только экономическая наука принимает облик поэзии для ограниченного круга лиц, дискутирующих о ее сугубо внутренних противоречиях, практическая значимость которых становится расплывчатой, затраты на накопление таких знаний перестают быть обусловленными, и вера в такую науку или теорию быстро утрачивается. Вся проблема подобных дискуссий сводится к тому, что экономисты-методологи и вообще многие экономисты фактически вступают в борьбу с институциональной регрессией и, явно проигрывая, пытаются разрешить ее каждый по-своему.

Институционализм также не сохранил своего ядра, во-первых, потому, что такое ядро не было вовремя сформировано, во-вторых, разнообразие теоретических подходов оказало сильное влияние на институциональный анализ. К 1975 г., как отмечал О. Уильямсон [13, 14], сложилась ветвь так называемого нового институционализма.

Неоинституционализм подвержен в большей степени следованию маршаллианской традиции, он близок неоклассике и использует абстрактно-дедуктивный метод [2, 6, 16, 20].

По структуре это направление экономического анализа представлено достаточно большим количеством частных теорий (теория прав собственности, трансакционных издержек, агентских соглашений и асимметрии информации, общественного выбора, теория контрактов и др.). Старый институционализм при достаточной степени огрубления окажется не чем иным как несколько переформулированной шмоллеровской традицией, то есть использует методологию немецкой исторической школы [1, 15]. Очевидное противодействие эволюционизма стратегии фрагментированного знания (за счет холизма) заставляет выяснить глубинные причины появления нового подхода, а также степень его новизны [16].

В силу того, что институционализм, а особенно его «новая версия», стал своеобразным поглотителем возрастающей диверсификации экономического знания, сыграв модифицирующее на саму неоклассику, увеличилось и число самостоятельных направлений анализа в рамках неоинституционализма. Со временем возникли разногласия между эволюционистами и старыми и новыми институционалистами при сохраняющихся разногласиях с неоклассикой и иными экономическими школами. Ниже остановимся на отдельных нюансах этих разногласий и проблем, которые требуют своего разрешения, а также перспективе институциональной методологии экономического анализа.

3. Характерные нюансы институционалистской методологии и перспектива институционального анализа

Выделим основные моменты — принципиальные особенности институциональной методологии.

I. С самого начала вебленовская позиция прозвучала диссонансом по отношению к основному на тот период направлению экономического анализа, а именно к менгеровской, маршаллианской, шмоллеровской и марксистской традициям. Неоклассика свелась к таксономии, «историки» дали описание, причем каждый исследователь давал собственное описание экономического события, так что научная строгость растворялась в его размышлениях. Марксисты, хотя и исходили из общих тенденций развития хозяйства, применяли системный подход, но трактовали эту системность как свойство исторического движения общественных сил, не считая развертывающийся хозяйственный процесс кумулятивным и не ставя задачу выделения генетических ха-

рактических этого процесса. Конечно, марксистам удалось создать общую теорию капиталистического развития путем установления фундаментальных факторов, отвечающих за прогресс производительных сил и производственных отношений, однако всеобщности данной теории не хватило для объяснения последовавших социальных изменений. То есть данная теория не сумела учесть эволюционных изменений. Правда, несправедливо выдвигать претензии к марксистской теории относительно генетических характеристик, поскольку даже современная эволюционная теория не решает этой проблемы. Действительно, если в биологии ген представляет собой участок молекулы ДНК, является носителем информации, отвечающей за все процессы жизнедеятельности организма и передачу определенных признаков по наследству, то сказать, что является геном в социальном организме, довольно сложно.

Во-первых, это культура в широком понимании, то есть искусство, литература, наука, образование, технология, информация, традиции и обычаи, мораль и нравственность, существующие в виде неформальных норм, законы (формальные нормы), политическая система, история народа и государства и т. д. Посредством культуры происходит процесс наследования и закрепления структур социальных признаков, осуществляется механизм памяти и передачи опыта между поколениями, а также выработка моделей текущего поведения экономическими субъектами, что равносильно жизнедеятельности организма в биологии.

Во-вторых, это сам человек — физическое лицо, принимающее решение, и юридические лица — субъекты экономики, внутри которых могут существовать совершенно уникальные схемы обучения, накопления знаний, опыта, вещественного и финансового капитала, передачи их по наследству от одного поколения работников другому поколению, схемы, отличные от существующих вне пределов таких организаций.

В-третьих, это правила, в соответствии с которыми строится экономическая жизнь. Они проектируются людьми, но являются самодостаточными, поскольку подвержены изменениям, соперничают друг с другом, являются своеобразными каналами передачи информации, ограничителями нашего поведения. В этом и состоит их самодостаточность: люди «производят» правила, которые затем способны влиять на людей в течение продолжительного времени, а устранить их воздействие

или последствия удается крайне редко. В биологии молекулу ДНК и ее участки можно увидеть в соответствующие приборы, но как можно разглядеть гены социальной жизни? Кстати, человеку недоступны для понимания еще многие особенности генетической структуры, несмотря на очевидные достижения генной инженерии. Относительно экономической генетики проблемы значительно рельефнее, и продвижение в этой области не столь успешно, как в биологии. Видимо, и не стоит тешить больших надежд, поскольку высока сложность изучаемого объекта, действует эффект кумулятивной причинности, присутствует неустраняемая проблема институциональной регрессии, распространяемая на процесс формирования аналитического аппарата экономической теории.

Еще одна важная особенность состоит в том, что биологические гены устойчивы к мутациям и поэтому являются стабильными структурами, чего нельзя сказать о социальных генах при условии определения последних. Выделить гены, отвечающие за процесс экономических изменений, — означает установить генератор эволюционных процессов. При наличии генератора возникнут мотивы установления законов его функционирования, хотя само по себе его наличие говорит о существовании своеобразного центра управления, из которого выходят сигналы на соответствующие изменения. В последнем случае появляется предзаданность эволюции, противоречащая содержанию данного процесса, неотъемлемой характеристикой которого выступает непредсказуемость и случайность. Обнаружение подобного генератора не должно вводить экономиста в интеллектуальный штопор в силу совершенно определенных причин, например, исторических, когда ход развития государства, а значит и его экономики, определяется избранным правителем.

Подавляющее большинство эволюционных моделей программирует экономические изменения в предположении неизменности правил. Если в этих моделях предусмотреть изменение отдельных правил, в соответствии с которыми функционируют экономические агенты, то мы перейдем в область сценарного моделирования и тогда необходимо будет давать вероятностную оценку каждому варианту. По сути дела, будут проигрываться на компьютере разные модели и достигаться различные результаты. Если же учитывать изменения в базисных институциональных структурах, то это серьезно усложнит моделирование, притом что необходимость подобных допущений неоче-

видна. Хотя для российской экономики, переживающей трансформацию основных правил и стиля хозяйственной жизни, названный подход демонстрирует свою актуальность. В конце концов, если правила заданы заранее и в эволюционной модели не подвергаются изменениям, то сама эволюция в такой модели приобретает однобокий характер — изменяется все кроме правил. Но в реальной жизни меняются и правила. Правда, нужно признать, что в коротком периоде правила можно считать фиксированными, но тогда необходимо говорить, что модель дает картину краткосрочной эволюции. Сразу возникает необходимость установить этот срок и разработать модель, учитывающую процесс изменения институтов, позволяющую получать информацию об изменениях в длительном периоде.

В настоящее время институциональная и эволюционная экономическая теория наиболее успешно развивается в двух направлениях:

а) изучение технологических изменений, когда в качестве объекта эволюции рассматриваются внутрифирменные рутины, сами фирмы и их популяции;

б) анализ долгосрочных институциональных изменений, когда объектами эволюции выступают отдельные институты или институциональные конфигурации.

В стадии концептуального оформления находится так называемая эволюционная макроэкономика, которая при ближайшем рассмотрении представляет собой не что иное, как только начинающий вырисовываться симбиоз теорий экономического развития, экономического роста и циклической динамики. Предметом анализа здесь выступает макроуровень эволюции. Исследования в направлении эволюционной макроэкономики чрезвычайно важны как с точки зрения преодоления известных тенденций принижения макроанализа, сведения его как аналитической системы к нулю, так и с позиций выработки нового инструментария экономической политики.

Речь идет об известном споре относительно значения макроэкономического подхода и «проекта микрооснований», который отстаивали представители чикагской школы. Неоклассическая контрреволюция 80-х гг. создала ситуацию, когда практически ни одна работа без микрооснований не могла быть опубликована. Идея сводилась к тому, что будто бы макроэкономика становится излишней, поскольку проблемы совокупного уровня — инфляции, безработицы, экономического роста могут успешно рассматриваться с позиций

«проекта микрооснований». Однако как совместить гипотезу о максимальной полезности, соблюдение которой неочевидно даже для микроуровня, с поведением на макроуровне, а также допущением о том, что все люди ведут себя в сходных условиях одинаково, явно не соответствующее действительности. Проект микроэкономических оснований начал трещать буквально по швам, особенно после того, как подавляющее большинство микроэкономистов к концу 1980-х гг. отказались от использования теории общего равновесия и обратились к теории игр, влияние которой стремительно возросло. Теория игр на время заполнила аналитический вакуум, но не смогла восстановить прежние позиции микроэкономики или полностью отвергнуть макроэкономический подход.

Так что проблема сохраняется до сих пор, и, видимо, разрешить ее не удастся никогда по объективным причинам. Нельзя основывать экономический анализ только на индивиде, не учитывая состояния институтов в точке отсчета, как нельзя увлечься только институциональными структурами или агрегированными уровнями, потеряв из виду того, кто нуждается в социальном прогрессе и для кого, собственно, работают политики и экономисты. Другой частью проблемы являются предложения, даваемые эволюционной макроэкономикой. В этой связи употребляются понятия «эволюционная инфляция» и «эволюционная кредитно-денежная политика». Но эволюционная теория стремится познать процесс непрерывных изменений экономической жизни, а правительственная политика, представляющая собой поток непрерывных воздействий, все-таки дискретна по сути и ориентирована на краткосрочный результат.

II. Рождение новой методологии сопровождалось появлением характерной неоднородности экономического анализа, из нее вытекающего. Речь идет о разрыве, существующем между эволюционной теорией и институциональным анализом экономических изменений. Ликвидировать этот разрыв намеревался Т. Веблен, но, как видно, не справился с трудной задачей, так что оба направления анализа разобщены до сих пор. В институциональной теории проблема сводится к определению института, что ввергает анализ в область микрооснований, образует многочисленные нюансы, зависящие от исходной трактовки. В отличие от этого, эволюционная теория исходит из непредсказуемости экономических изменений, проявляя повышенный интерес к правилам и

закономерностям, отвечающим за выбор траектории развития субъекта экономики или экономической системы, а также к определению границ, в пределах которых разворачивается кумулятивный хозяйственный процесс. Эволюционная теория выбирает объект эволюции — будь то фирма, правила поведения, валовый национальный продукт, представленный в виде макрогенераций, экономика в целом. Но в любом случае институциональное окружение фиксируется, объект задается некоторым набором количественных параметров, которые легко измерить при помощи стандартных статистических процедур. По изменению этих величин судят об эволюционном процессе, связанном с данным объектом, и получают спектр возможных исходов, каждому из которых соответствует своя вероятность появления при определенных условиях развития по выбранной траектории.

Таким образом, в эволюционной теории, как и в новой классической макроэкономике, существует краеугольная проблема использования агрегированных величин, их интерпретации, а также полноты множества, позволяющего составить всестороннюю картину экономических изменений. Нормальные состояния в виде равновесий или полученных известными методами социально-экономического прогнозирования трендов развития хозяйственной системы не представляют особого интереса для эволюционной теории и могут использоваться ей лишь как промежуточный этап, как подготовка к проектированию более сложных моделей. Итак, эволюционная теория предъявила претензии на исследование двух коренных проблем: а) как происходит процесс эволюционных экономических изменений; б) каким образом трансформируются правила и механизмы, отвечающие за ход этого процесса, направляющие его.

Т. Веблен считал такие правила институциональной средой экономической деятельности. Институты обеспечивают преемственность в рамках экономического процесса, а экономика реагирует на изменения институциональной среды, и эти реакции образуют эволюционную модель ее адаптации, качество которой предопределяет как дальнейшие модификации действующих институтов, так и закономерности эволюционного процесса.

III. Отнеся институт к «стереотипу мысли», феномену культуры, Т. Веблен сумел отойти от прямых биологических аналогий. Уже тогда было понятно, что использование биологических сопоставлений при построении социаль-

ных моделей является неправомерным, поскольку в биологическом мире отсутствуют сознательно сформулированная цель, знание, духовность, технология и т. д., а перенесение открытых закономерностей по поведению, например, популяции пчел, на социальные процессы выглядит чрезмерным упрощением. Однако справившись с одной потенциальной ошибкой, он не избежал другой — объемности представлений об институтах. Неоклассиков это сразу напугало, они даже не разглядели научности такого подхода, подвергли его жесткой критике, назвав социологическим, имеющим смутное отношение к чистой экономической теории, под которой подразумевалась интеллектуальная система, базирующаяся на разделяемых большинством допущениях. Ситуацию попытались исправить новые институционалисты, введя таксономию экономических издержек, особо выделив издержки обмена, поиска информации, заключения контрактов, защиты прав собственности, назвав их транзакционными, а также сузив определение экономического института, выступающего единицей анализа, перестав рассматривать институт как бесконечное разнообразие социальных отношений, феноменов культуры, представив его в виде правил — формальных, прошедших соответствующие правовые процедуры закрепления и неформальных, определяющих действия экономических агентов в негласном порядке. Многочисленные упреки в отношении неинституционального анализа в том, что он недалеко уходит от неоклассики, от равновесных схем, а, скорее, накладывает на эти схемы ограничения в виде институтов, с вытекающим изменением подходов к оценке эффектов распределения и условий экономической эффективности, вряд ли можно признать состоятельными по следующим причинам.

Во-первых, действительно, доказательства об отсутствии равновесных состояний в экономике, осуществляемые по объекту, весьма убедительны. Если где-то спонтанно и возникают равновесия, то они длятся очень непродолжительное время, поскольку реакции агентов в экономике асинхронны. Однако кроме объектов в экономике существуют налаженные системы процедур и расчетов. Учет этих процедур и постановка расчетов выполняются по математическому алгоритму, в котором используется знак равенства.

Бухгалтерия фирмы или государства руководствуется балансовым принципом, в соответствии с которым по установленной таксономии параметров сравниваются на предмет

совпадения результаты расчета двух параллельных алгоритмов. В экономических моделях используются системы уравнений, то есть системы, полученные логическим путем, когда априорно приравнивались некоторые величины, в реальной жизни, возможно, вообще никогда не совпадающие или совпадающие в течение очень короткого периода. Даже нелинейные дифференциальные уравнения предполагают равновесие левой и правой частей, иными словами, баланс определенных числовых комплексов, а нелинейно изменяются неизвестные величины, образующие эти комплексы, нахождение законов нелинейного изменения которых является задачей решения данного дифференциального уравнения.

Во-вторых, одна из причин равновесности — это «равновесная» математика, на основе которой строятся различные расчеты и хозяйственные операции и принимаются управленческие решения.

В-третьих, ценность экономической теории определяется ее описательными, объяснительными, прогностическими возможностями и, что самое главное, способностью вырабатывать модели экономической политики, то есть принимать «правильные» решения, а также возможностями совершенствования аналитического аппарата самой теории. Уровень общности теории в сравнении с другими теориями установить достаточно тяжело, особенно если теория еще себя не показала в деле, не зарекомендовала. Поэтому утверждения, что институционально-эволюционная теория приводит к обобщениям более высокого уровня, превращая неоклассику в частный случай, выглядят поверхностными, поскольку не имеют строгих оснований и не затрагивают проблемы весомости этих обобщений. Со временем изменяются и неоклассика, и эволюционный подход, и анализ институтов, причем различные модели «проникают» друг в друга.

В-четвертых, недостаток институциональной теории как раз и сводится к описательному характеру данных обобщений, уровень экономической политики остается без объяснений и полностью отдается во власть неоклассических схем. Бюджетный дефицит, изменившееся сальдо внешней торговли, внешние кредиты и платежный баланс, государственный долг, процентные ставки и валютный курс, инфляция, — все эти параметры предполагают рассуждения с точки зрения балансовых схем, а взаимосвязь структур институтов с изменением этих параметров расплывчата и не поддается идентификации институциональной теорией в

терминах вебленовой исследовательской программы. Упрощение понятия «институт», сведение его к правилу или некоторой совокупности правил, за которыми стоит конкретное экономическое действие (то есть институт в неинституциональной трактовке), позволяет подойти к изучению указанных взаимосвязей. Это не означает, что исследования в рамках старой институциональной школы должны быть свернуты. Наоборот, их активизация позволит углубиться в понимание долгосрочных процессов в развитии хозяйства, для которых культура в широком смысле слова приобретает непревзойденное значение, а инструментальные экономические величины, характеризующие то или иное экономическое явление в непродолжительном аспекте, начинают играть подчиненную роль. Экономическая архитектоника выходит на первый план, и ее влияние может быть осознано исследователем только с позиций методологии, позволяющей включить в анализ все оттенки социальной действительности и ее изменения, что демонстрирует старая институциональная школа.

Полностью понять причины и механизмы экономических изменений вряд ли когда-нибудь удастся, поскольку если предположить, что в некоторой точке мы, наконец, открыли законы социальных изменений — их причины и механизмы, то попытка воспользоваться данными результатами, чтобы модифицировать в выгодную для нас сторону механизмы и повлиять на причины, будет означать экономическое изменение и выполнит функцию еще одной причины и механизма, которые первоначально не учитывались в проводимом анализе. Различные экономические институты по-разному влияют на развитие современного хозяйства, так что можно говорить о наличии иерархии институтов. Усилия экономической науки должны быть направлены в том числе на определение более значимых и менее значимых, подчиненных институтов — по их влиянию на экономическое развитие. Амбициозность программы Т. Веблена состояла в стремлении получить все и сразу, что является утопической мечтой в области социальных наук, вносит элемент неоправданной сложности. Но его безусловной заслугой воспринимаются сформулированные установки в области методологии, которые задали вектор развития экономического мышления на многие десятилетия вплоть до нашего времени и не теряют своей значимости, поскольку дискуссия о месте и роли экономической науки в современной цивилизации продолжается.

Многое из того, что заложил Т. Веблен, живет и развивается в настоящее время, несмотря на то что существует справедливое мнение о быстром обесценивании социального знания. Трансцендентальный реализм, выступающий в качестве концептуального ядра идей старого институционализма, сосредотачивается на проблеме социализации человеческой личности в определении сознания и поведения индивида.

Однако главной проблемой для институционально-эволюционной теории продолжает оставаться проблема сложности и адекватной математики. Теория игр имеет в этом серьезные ограничения, поскольку предполагает, что игра происходит при уже сложившихся правилах, по поводу чего имеются соответствующие договоренности между игроками и сами игроки обладают всей необходимой информацией, в том числе и о возможных реакциях своих коллег по игре. Подобные допущения являются сильно натянутыми и расходятся с действительностью, то есть противоречат кумулятивному принципу. Согласно имеющимся данным, новые математические подходы позволяют моделировать кумулятивные процессы. Институциональная теория сможет плодотворно развиваться, если для этих целей будет специально разработан сложный математический аппарат, превосходящий тот, которым пользуется неоклассика [20]. Осязаемую перспективу, но отнюдь не панацею, здесь составляют агент-ориентированные модели, системы искусственного интеллекта и др.

Видимо, проблемы новой математики и понижения сложности существенны для институциональной теории и, очевидно, следует направить определенные усилия для их разрешения. В то же время нужно не терять из поля зрения целесообразность и объем этих усилий. Не вызывает сомнений, что без институтов невозможно объяснить стабильность экономической системы, проблемы преодоления существующих разрывов между передовыми и отстающими в своем развитии странами, проблемы превышения экологической нагрузки на экономику и т. д. Экономическая наука в том виде, в котором она находится сегодня, к сожалению, может только установить наличие проблем того или иного рода, обозначить, как их следовало бы решать, но сказать, что данный способ решения позволит ликвидировать проблему окончательно, с гарантией, что сам процесс решения не приведет ко множеству сопутствующих проблем, которые в совокупности будут не

менее остры, чем исходная, — она не в состоянии по объективным причинам. Самая главная из них состоит в объективации экономического анализа, в укорененном среди экономистов стереотипе о необходимости разработки чистой теории, несмотря на всю относительность понятия «чистая теория». Этот стереотип срабатывал весьма избирательно, но для многих экономическая политика выступала в качестве важнейшего нарушителя спокойствия в экономике *laissez faire*, действующего извне. Споры о провалах рынка и государства в рамках неоклассической традиции могут вестись бесконечно долго, однако вряд ли кто-либо будет сильно настаивать на том, что у государства нет прерогативы на проведение эффективной экономической политики, хотя иногда спор «о провалах» задевает и эту плоскость данного вопроса.

С нашей точки зрения более продуктивным выглядит вариант, сводящийся к анализу взаимосвязей различных институциональных конфигураций и методов экономической политики, применяемых в конкретных исторических условиях. Если же сосредоточить интеллектуальные усилия на разработке типологии институциональных образований, поскольку, как считается, это способно снизить сложность объекта экономического познания, то результатом такого подхода сразу станут несколько типологий, и придется доказывать, какая из них более значима, адекватна и научна. Тут же возникает проблема с выбором объекта экономического анализа, определением: что понимать под его сложностью, нужно ли ее снижать и в каких масштабах, наблюдается ли снижение указанной сложности или все сводится к очередной иллюзии. Типологический подход, в котором учитывается инерционность функционирования институтов, их структурная жесткость, вытекающая из характеристических связей, используется в рамках французской теории регуляции и неомарксистской школы социальных структур накопления. Объекты изучения здесь очевидно не совпадают, но и строгие предложения для новой экономической политики, которые бы учитывали открытые в рамках сформированных типологий и методологий социальные закономерности, практически отсутствуют. Хотя французские регуляционисты, например, открыто сопротивляются подобным утверждениям, что имеет под собой определенную основу. То есть они стараются давать такие предложения, но при этом последние не выходят за пределы текущей парадигмы политики.

В экономических кругах сложилось мнение, особенно среди определенной части исследователей институционально-эволюционного направления, что обязательно требуется снижать аналитическую сложность реального мира экономических институтов, и эта процедура возможна только посредством отбора наиболее существенных с позиций конкретной проблемы — будь то в теории или на практике — институтов. Центральным моментом критики исследовательской программы Т. Веблена обычно выступает факт отсутствия алгоритма такого отбора. Однако возникает вопрос: насколько необходимо следовать этой программе, можно ли ее принципиально реализовать в полном объеме? Ответ на этот вопрос видится отрицательным, поскольку отбор с позиций рассматриваемой проблемы несовершенен. Во-первых, для того чтобы ограничить институциональную область, необходимо точно сформулировать проблему, затем очертить сопряженные области ее распространения, выделить те правила — формальные и неформальные, — которые данная проблема затрагивает. Во-вторых, требуется установить критерии отбора, то есть разработать инструментарий, позволяющий говорить о большей или меньшей значимости тех или иных институтов. В-третьих, понадобится оценка, а она не может быть точной, и в конечном счете приведет к локализованному методу или теории, которые могут описать только названную проблему или похожую группу проблем, так как институциональная система строго установлена и для другой проблемы понадобится и другой отбор, и, возможно, иные критерии, и определенно будут получены совершенно отличные результаты. Неоинституционалисты осуществляют отбор на базе вводимых гипотез для каждого случая.

Таким образом, они не имеют унифицированного подхода, а значит, не могут выработать единой теории, объясняющей динамику институциональных изменений. Исследователь социальных проблем не может заранее знать, какие результаты будут получены в ходе его работы, и многие известные экономисты, следуя вебленовой программе, первоначально не могли сказать, насколько она выполнима и к каким результатам способна привести.

Бесспорно, эта программа, оставаясь, как отмечают последовательные критики, нерезультативной, позволила достичь гигантских результатов в области развития экономического знания и методологии. Прежде всего была обозначена проблема экономической

динамики и институционального разнообразия хозяйственной системы, и кроме того, развита идея экономики как эволюционной науки. Фактически удалось не только заявить о необходимости, но и сформулировать основы новой методологии экономического анализа, возвышающейся над общепринятыми методами познания экономической действительности — дедукцией и индукцией. Становилось понятно, что институциональная и эволюционная экономическая теории направлены на разработку инструментария и аналитических приемов, отличающихся от приемов, исповедуемых представителями неоклассической и исторической школ. Однако воспринимать институционально-эволюционную теорию в качестве абсолютно нового полюса развития экономической науки, никак не связанного с неоклассикой, было бы неверно, поскольку разные теории характеризуются полями пересечения, образованными, с одной стороны, близкими (а иногда — совпадающими), исходными допущениями, с другой стороны, рассматриваемыми один и тот же объект, поведение которого исследуется. Теория общественного выбора Дж. Бьюкенена по существу представляет собой принципы мэйнстрима, приложимые к процессам голосования и выбора, к проблемам функционирования политической системы общества [2].

Следующим примером является эволюционная модель «естественного» рыночного отбора, разработанная А. Алчияном [17], в основе которой лежит равновесная схема, то есть рассматривается динамика равновесного состояния, а именно то, под воздействием каких факторов происходит смена равновесных состояний, что трактуется как процедура отбора. Для неоинституциональных концепций и даже для эволюционной теории экономических изменений характерен такой же подход. Эволюция конкретного института прослеживается с момента его появления — не важно, было оно случайным или продиктовано обстоятельствами и спроектировано — до аннигиляции, намеренной ликвидации или размножения, при фиксации первоначально существовавшей институциональной структуры, предпринимаемой в качестве метода снижения сложности социальной системы. Кроме того, набор рассматриваемых институтов, выступающих объектами исследования, также ограничивается.

Смуцаться по поводу того, что экономическая наука не смогла дать убедительного ответа на интеллектуальный вызов, спровоцировавший появление институционально-эволюционной исследовательской программы

Т. Веблена, которая сегодня только набирает силу, не стоит, поскольку окончательного ответа на этот вызов не может существовать в силу содержания самой проблемы, сводимой к противопоставлению индукции и дедукции. Эволюционная теория также исходит из априорных представлений о том, каким образом и в силу действия каких факторов происходят изменения в экономике. Из этих представлений формулируются математические модели, превращаемые затем в компьютерные имитации. Сегодня, благодаря компьютеру, исследователь может сопоставить несколько траекторий экономического развития, в основе которых лежали разные предпосылки и были построены различные модели, и в дальнейшем остановиться на той траектории, ход событий в соответствии с которой можно посчитать наиболее вероятным. Принимая во внимание указанные результаты, закономерным итогом выступает разработка мероприятий экономической политики, которые бы способствовали продвижению экономической системы по такому пути, либо, наоборот, препятствовали хребодному развитию по названной траектории, стимулируя перевод всех усилий на то, чтобы направить вектор движения на другую, более целесообразную траекторию экономического развития.

Благодаря классическим трудам по институциональной теории были заложены основы социально-психологического, правового и конъюнктурно-статистического институционализма, была создана новая методология экономических исследований, позволившая распространить взоры многих экономистов на целый ряд явлений и процессов, ранее не являющихся предметом экономического анализа, создать крепкую интеллектуальную оппозицию неоклассическим представлениям, что придало новый импульс развитию экономического знания и углубило наши представления о закономерностях функционирования национальных хозяйств и особенностях международного обмена. Отсутствие противоположной системы взглядов всегда губительно для теории.

Конечно, можно утверждать, что в таком состоянии экономическая наука никогда не пребывала, всегда существовала разница в пози-

циях и методологических подходах различных экономистов.

Во-первых, стоит уточнить, что институциональное направление экономического анализа уже сейчас в такой степени модифицировало неоклассику, ее положение очень изменилось по сравнению, например, с 80-ми годами, когда она безраздельно господствовала в умах как политиков, так и подавляющего большинства экономистов.

Во-вторых, институционализм в перспективе претендует на то, чтобы превратить неоклассические доктрины в частные случаи экономической теории, возникающие в результате неспособности достичь желательного уровня обобщения сложных хозяйственных и социально-политических процессов.

В третьих, релятивистский характер экономической науки охватывает как неоклассические, так и институциональные школы, то есть каждая из экономических школ имеет свой собственный контур саморазвития и пределы самосовершенствования, когда прорывные результаты уже не могут быть достигнуты в силу действующих фундаментальных законов накопления экономического знания и развития хозяйства, что приводит либо к упадку некоей теоретической доктрины и ее вытеснению более современной, удобной в логических построениях и на практике, либо к переходу этой доктрины на новую ступень теоретических обобщений.

Можно предположить, что институциональной теории будет присуща пониженная степень релятивности по сравнению с неоклассическими концепциями, поскольку в своем анализе она обращается к базисным компонентам хозяйственного устройства, которые подвержены длительным изменениям. Поэтому необходимо обратить пристальное внимание на взаимопроникновение конкурирующих парадигм в экономической теории с тем, чтобы понять не только связующий механизм конкретной теории и периода в экономической истории государств, когда эта теория родилась и была использована в качестве концептуальной основы для выработки национальной экономической политики, но и причины разветвленности самой теории, ее национальное содержание и международное значение.

Список источников

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело, 1994. — 720 с.
2. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Нобелевские лауреаты по экономике. — Т. 1. — М.: Таурус Альфа. — 1997. — 560 с.
3. Веблен Т. Теория делового предприятия. — М.: Дело, 2007. — 288 с.

4. Веблен Т. Теория праздного класса : пер. с англ. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
5. Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. — М.: ГУ-ВШЭ, 2011. — 416 с.
6. Коуз Р. Фирма. Рынок. Право. — М.: Дело. — 1993. — 192 с.
7. Маршалл А. Принципы политической экономии : в 3 т. — М.: Прогресс. — 1993. — Т. 1. — 416 с., Т. 2. — 310 с., Т. 3. — 351 с.
8. Менгер К. Избранные работы. Основания политической экономии. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — 496 с.
9. Митчелл У. Экономические циклы. Проблема и ее постановка. — М-Л.: Госиздат, 1930. — 487 с.
10. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». — М.: Прогресс. — 1972. — 512 с.
11. Сорокина С. Г. Сценарии будущего или иллюзии прошлого? Об институционализме как направлении буржуазной экономической мысли : изд. 2-е. — М.: Книжный дом «Либроком», 2011. — 176 с.
12. Сухарев О. С. Институциональная теория и экономическая политика: в 2-х. т. — М.: Экономика, 2007.
13. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. — СПб.: Лениздат. — 1996. — 702 с.
14. Фуруботн Э., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории — СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2005 — 702 с.
15. Ходжсон Дж. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. Сб. трудов — М: Япония сегодня, 1997. — С. 29-74.
16. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. — М.: Дело, 2003. — 464 с.
17. Alchian A. Uncertainty, evolution and economic theory // Journal of Political Economy. — 1950. — Vol. 58 (june). — P. 211-221.
18. Alchian A., Demsetz H. Production, information costs and economic organization // American Economic Review. — 1972. — Vol. 62 (dec.). — P. 777-795.
19. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. — New York: Macmillan. — 1933.
20. Colander D. New Institutionalism, Old Institutionalism and Distribution Theory // Journal of Economic Issues. — 1996. — Vol. XXX. — No. 2. — P. 433-442.
21. Commons J. R. Institutional Economics. Its Place in Political Economy. — New York: The Macmillan Company, 1934. — 921 p.
22. Galbraith J. K. The New Industrial Stat. — New York: New American Library. — 1967.
23. Koopmans T. Measurement without Theory // Revue of Economics and Statistics. — 1947. — Vol. 29. — P. 161-172.
24. Veblen T. B. The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays. — New York: Russel & Russel, 1961. — 509 p.
25. Veblen T. B. Why is Economics Not an Evolutionary Science? // Quarterly Journal of Economics. — 1898. — Vol. 12. — P. 373-397.

УДК 330.341.2.000.2

Ключевые слова: старый институционализм, новый институционализм, неоклассика, эволюционный подход, Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл, программа исследований в экономике